

Михаил Шумейко

**ВИЛЕНСКИЙ И ВИТЕБСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЕ
АРХИВЫ ДРЕВНИХ АКТОВЫХ КНИГ в XIX — начале XX вв.
И СУДЬБА ИХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ СОБРАНИЙ**

Полтора века, прошедшие со дня принятия решения о создании наряду с Киевским Виленского и Витебского центральных архивов древних актов книг, не могли не породить значительной литературы, посвященной истории создания и анализу основных направлений деятельности двух последних архивохранилищ. Интерес к ним был обусловлен как составом хранившихся здесь документов, так и стремлением исследователей проследить последующую судьбу документальных собраний, в течение многих веков создававшихся на территории Литвы и Беларуси и впоследствии заложивших основу ныне действующих в этих государствах центральных исторических архивов. Интеграция Витебского архива в Виленский, произошедшая в 1903 г. и последовавшее вслед за этим более чем десятилетнее «совместное проживание» под одной крышей (в Вильно) обоих архивов дали основание автору настоящей статьи говорить об их истории и деятельности во взаимосвязи. Это, на наш взгляд, тем более оправдано, если принять во внимание то обстоятельство, что в состав Виленского архива при его создании были включены актовые книги, хранившиеся в судебных учреждениях не только Виленской и Ковенской, но также Гродненской и Минской губ.

Современный исследователь, занимающийся изучением истории Виленского и Витебского архивов древних актов книг, располагает не только трудами по этому вопросу своих предшественников, но и широкой источниковой базой, помогающей составить более или менее полное представление о причинах создания архивов, основных направлениях и итогах их деятельности, конкретном вкладе архивариев в решение тех или иных задач, стоявших в свое время перед этими первыми историческими архивохранилищами в белорусских и литовских губерниях. Основу ее составляют официальные документы, принятые органами власти и органами управления Российской империи и касающиеся обоих архивов (опубликованы Русским историческим обществом в 1917 г. в составе второго тома «Сборника материалов, относящихся до архивной части в России»); центральная и местная периодическая печать («Журнал Министерства народного

просвещения», «Журнал Министерства внутренних дел», «Виленский вестник», «Виленские губернские ведомости», «Витебские губернские ведомости», «Памятные книжки» Виленской и Витебской губ., Виленского учебного округа и др.), на страницах которых регулярно помещались сведения об истории создания и деятельности архивов, штате их сотрудников; рецензии на документальную и справочную продукцию архивов и т. п.; делопроизводственная документация самих архивов, в большинстве своем, к счастью, сохранившаяся и находящаяся ныне в Национальном историческом архиве Беларуси¹ и Архиве истории государства Литвы²; документальные, справочные издания архивов и др.

Возвращаясь к историографии истории организации и деятельности обоих архивов, отметим ее разноплановость (она обусловлена как причинами, вызвавшими появление тех или иных работ, так и их авторством) и достаточно широкий хронологический диапазон.

Для второй половины XIX — начала XX вв. преобладающими являются исследования обзорно-информационного и юбилейного характера, авторами которых выступают официальные лица, в большинстве своем — сотрудники архивов.

Межвоенный период отмечен циклом работ польских историков и архивистов, целью которых в ряде случаев является попытка дезавуировать предыдущие публикации об архивах.

В связи с повышением интереса к истории архивного дела, становлением и развитием архивного образования в СССР появляются в послевоенный период многочисленные учебники и учебные пособия по архивоведению, археографии, в которых присутствуют сюжеты, посвященные Виленскому и Витебскому архивам древних актов книг. В качестве самостоятельного может быть выделен раздел исследований историко-биографического и краеведческого характера, появившихся в последнее время в Беларуси и посвященных характеристике отдельных личностей, внесших заметный вклад в отечественное архивоведение.

Далее с учетом предлагаемой систематизации отметим некоторые из представляющих нам наиболее значимыми исследований.

Первой (как по времени появления, так и по существу) должна быть поставлена статья пер-

ного архивариуса Виленского архива Н.И. Горбачевского (Отдельный оттиск ее с дарственной надписью автора «В библиотеку Литовской духовной семинарии» находится в Отделе редкой и рукописной книги Центральной научной библиотеки им. Я. Коласа Национальной Академии наук Беларуси)³. Объективно отмечая, что несмотря на заботливость польского правительства о безопасном хранении архивов, последние неоднократно подвергались «большим невзгодам», Н.И. Горбачевский далее, основываясь на свидетельствах, имевшихся в актовых книгах Виленского центрального архива, привел ряд фактов гибели архивов как во времена Речи Посполитой (например, Главного литовского трибунала в Минске в 1762 г.), так и в период Российской империи (уничтожение актовых книг Новоградского земского, Браславского гродского судов в 1812 г., ошмянских земского и гродского судов в 1836 г. и др.). Принимая во внимание получившие большое распространение фальсификации документов в актовых книгах как одну из причин создания архива, архивариус вместе с тем считал, что к этому же побуждали и потребности бурно развивавшейся в то время исторической науки в новых исторических источниках. Не противореча И. Даниловичу, взявшему в свое время под защиту летописи как исторические источники⁴, Н.И. Горбачевский вместе с тем отмечал, что «...в наше время сделалась почти всеобщая мысль, что не одни только летописи, в которых историческая истина основывается на показании одного только человека, часто совершенно удаленного от политического мира и не одни только дипломатические сношения государств могут быть источниками истории, что юридические акты, какого бы рода они ни были, как *acta publica*, составляют также важный для нее материал, и можно сказать, самый надежный: важный потому, что в них выразилась жизнь народа, надежный — потому, что акты эти неопровержимы. Между тем актовые книги рассеяны были по архивам разных присутственных мест и не представляли никакой возможности извлечения из них пользы для науки»⁵.

Статья Н.И. Горбачевского обозначила также одно из «узких мест» в деятельности исторических архивов, а именно, проблему описания хранившихся в них документов. Автор, как впоследствии и его преемник И.Я. Спрогис, не являлся сторонником подокументного описания, требовавшего огромных финансовых и интеллектуальных затрат и не дававшего желаемых результатов. Путем простых арифметических подсчетов он показал, что следуя по-

добной методике, пришлось бы потратить 762 года, чтобы описать все хранившиеся в архиве акты. «Следовательно, — резюмировал Горбачевский, — все наши труды не более, как капля в море; а сколько исписано бумаги, сколько потеряно времени, которое, если бы употреблено было на составление алфавитных указателей и на выбор актов, примечательных в ученом отношении, мы принесли бы существенную пользу для края и для науки»⁶.

С историей комплектования Витебского архива актовыми книгами, хранившимися в судебных учреждениях двух восточных губерний Беларуси, ознакомил читателей серийного документального издания «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской» первый архивариус А.М. Сазонов в предисловии к первому тому, увидевшему свет в 1871 г. Здесь же публиковалась и подготовленная Сазоновым перечневая опись архива, включавшая 1826 актовых книг.

Преимущественно учетную и в меньшей мере справочную функцию должен был осуществлять подготовленный Н.И. Горбачевским и изданный в 1872 г. «Каталог древним актовым книгам губерний: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской, также книгам некоторых судов губерний Могилевской и Смоленской, хранящихся ныне в Центральном архиве в Вильне», в который составитель включил 18243 ед. хр. Самостоятельный научный интерес имело предисловие к каталогу, носившее исключительно источниковедческий и историко-учрежденческий характер. В нем Горбачевский излагал сведения о структуре и содержании актовых книг, их группировке в каталоге, а также давал характеристику существовавшим в Великом княжестве Литовском судам (войтовско-лавничему, земскому, гродскому, подкоморскому, Главному Литовскому, Скарбовому, Духовному трибуналам и др.).

Первыми работами об архивах, автор которых не был профессионально связан с деятельностью обоих хранилищ, стали статьи слушателя Петербургского археологического института В.А. Лялина, опубликованные в трудах Института⁷. И хотя в основе своей они опирались на вышеупомянутые работы Н.И. Горбачевского и А.М. Сазонова, автор их привлек и некоторые публикации (в частности, рецензии М.Ф. Владимирского-Буданова и др.), появившиеся через несколько лет после издания 1-го тома «Историко-юридических материалов» и посвященные документальной продукции Витебского архива. Отметив неудовлетворительное состояние с изданием архивных докумен-

тов, Лялин в статті о Витебском архиве призвал молодых ученых-архивистов, воспитанников Археологического института, применить свою деятельность к «высокополезному делу разработки и издания тех драгоценных памятников старины, которые хранятся в 3-х центральных наших архивах»⁸.

Пятидесятилетие принятия указа о создании архивов в «Западных губерниях» было отмечено появлением ряда публикаций юбилейного характера в форме статей и отдельной брошюры⁹. Они были посвящены исключительно Виленскому архиву то ли в виду того, что он действительно-таки начал функционировать со времени подписания указа, то ли из-за фактически уже предпрешенной судьбы Витебского архива, со следующего года переставшего существовать в качестве самостоятельного. Несмотря на наличествующий в работах официально-охранительный налет, одобренный к тому же «юбилейным елеем», они, тем не менее, содержат достаточно полезной информации: об основных направлениях и итогах полувековой деятельности архива, персональном составе его сотрудников и т. п.

Прямым антиподом этим публикациям являются книги старшего архивиста Государственного архива Польши в Вильно, в состав которого, как известно, были включены и оставшиеся невывезенными актовые книги бывшего Центрального архива древних актов, Р.Меницкого¹⁰. Автор обстоятельно проанализировал работы своих предшественников об архивах, отметив как лучшие статьи Н.И. Горбачевского — в Вестнике Западной России и И.И. Лаппо — в «Журнале Министерства народного просвещения» (последняя, напечатанная в №4 за 1904 год, представляла собой крайне негативную рецензию на «Историкоюридические материалы»). Имея в своем распоряжении делопроизводственную документацию канцелярий обоих архивов, а также документальные собрания виленских генерал-губернатора, учебного округа, археографической комиссии, дворянского депутатского собрания и др., Р. Меницкий скрупулезно проследил историю архивов, уделив особое внимание недостаткам, имевшим, по его мнению, место в их работе. В числе последних он отметил отсутствие строгого учета актовых книг в Виленском архиве, крайне низкий и тенденциозный уровень документального издания Витебского архива, мало известного в научных кругах, убогость имевшейся там библиотеки и т. п.

В заключении книги о Витебском архиве Меницкий подчеркивал, что архив находился

в убогом состоянии и лишь с перемещением его в Вильно стал исследоваться польскими учеными¹¹.

Из изданных в СССР до начала Великой Отечественной войны специальных работ по архивоведению, в которых присутствовали, хотя и в очень сжатом виде, сюжеты о Виленском и Витебском архивах, укажем на остающуюся до сих пор лучшей, по нашему мнению, книгу И.Л. Маяковского об истории и организации архивного дела в СССР¹².

Более подробно об истории обоих архивов идет речь в исследованиях возглавлявшего с 1944 г. архивную службу Беларуси А.И. Азарова¹³. Объективности ради отметим, что в некоторых местах автор ее допускает фактические неточности, порой достаточно упрощенно трактует причины ликвидации Витебского архива («Этим мерами царское правительство пыталось затормозить развитие национальной культуры белорусского народа»)¹⁴.

Существенным шагом вперед сравнительно с работами Азарова являются монография известного белорусского историка и археографа Н.Н. Улащика об археографии и источниковедении истории Беларуси, а также учебное пособие профессора Историко-архивного института В.Н. Самошенко об исторических архивах дореволюционной России¹⁵. Привлекая наряду с опубликованными источниками и литературой и архивные документы (что, кстати говоря, не характерно для изданий учебного типа), авторы проследили не только историю создания и развития обоих архивов, но и проанализировали работу сотрудников по описанию, публикации документов. В разделах монографии, посвященных преимущественно публикаторской деятельности архивов, Н.Н. Улащик со свойственным ему литературным мастерством дал яркие характеристики архивариусам Виленского и Витебского архивов, «очеловечив» таким образом историю последних. Представляется заслуживающим внимания вывод В.Н. Самошенко о значении объединения обоих архивов: «Присоединение Витебского архива к Виленскому в целом заслуживает положительной оценки. Существование самостоятельного Витебского архива было нецелесообразно, т. к. его объем был небольшим, а незначительные средства, ассигнуемые на содержание и упорядочение источников, расплывались между двумя архивами. К тому же документы Виленского и Витебского архивов возникли в результате деятельности родственных учреждений... Таким образом объединение названных архивов способствовало концентрации древних

источников. В то же время это привело к тому, что на территории Белоруссии не оставалось источников по истории белорусского народа за XVI–XVIII вв.»¹⁶.

И завершая источниковедчески-историографический обзор, отметим, что в последнее десятилетие к истории Виленского и Витебского архивов наряду с другими обращались автор настоящей статьи¹⁷, а также региональные исследователи, занимающиеся изучением истории Витебского края¹⁸.

С учетом наличия значительной литературы, посвященной историческим архивам Беларуси и Литвы во второй половине XIX — начале XX вв., далее мы попытаемся обратить преимущественно внимание на те сюжеты, которые до сих пор были недостаточно исследованы. К числу таковых, на наш взгляд, относятся: методика публикации документов в Витебском архиве, работа по описанию документов и ее итоги в обоих архивах, формирование и развитие источниковедческих навыков у архивистов в процессе ведения ими публикаторской и справочной работы и др.

Подписывая 2 апреля 1852 г. Указ Правительствующему сенату «Об учреждении в Киеве, Витебске и Вильно центральных архивов для актов книг Западных губерний», в котором декларировалась забота царского правительства о сохранении древних актов книг, важных в археологическом отношении и составляющих «единственные в своем роде материалы для отечественной истории и древних дворянских родов», Николай I, как в свое время и его венценосная бабка, меньше всего, на наш взгляд, был озабочен судьбой документальных памятников, в течение многих веков создававшихся на территории земель, присоединенных в конце XVIII в. к Российской империи. Она достаточно последовательно продолжала решение задачи, поставленной Екатериной II в отношении народов, подпавших под иго царизма: «Сии провинции надлежит легчайшими способами привести к тому, чтобы они обрусели и перестали бы глядеть, как волки в лесу».

Как известно, одним из таких «легчайших способов», имевшихся в распоряжении российского правительства, было предание забвению исторических памятников поработенных народов путем их вывоза, распыления, безразличного отношения к их судьбе и т. п.

Не попав в сферу строевско-бредниковского обследования (имеется в виду археографическая экспедиция, организованная по инициативе П.М. Строева и его помощника Я.И. Бе-

редникова в 1829–1834 гг.), ведомственные архивы белорусских и литовских губерний, начиная с 1837 г. становятся важным источником пополнения московских и петербургских архивов, частных собраний российских коллекционеров и т. д. Как отмечал в свое время известный белорусский библиограф и архивист А.А. Шлюбский, «У 1837 г. загадам Мікалая I пачалася адсылка з беларускіх гарадоў грамат і «сталбцоў» у Пецярбургскую Археаграфічную Камісію, дзякуючы чаму з многіх бібліятэк і архіваў было ўзята «множество редких рукописей»¹⁹. Далее исследователь приводил перечень учреждений гражданского и духовного ведомств, из которых были изъяты и пересланы в Петербург древние акты. Среди них — Оршанский городской магистрат, Оршанский Кутеинский монастырь, Брестский городской магистрат, витебские казенная и гражданская палаты, минский, могилевский, полоцкий парафиальные архивы, могилевские семинария, городская дума, ратуша и др. И тем не менее, несмотря на интенсивно ведущийся процесс вымывания памятников письменности с территории белорусских и литовских губерний, значительное их количество, уцелевшее после наполеоновского нашествия, продолжало оставаться в местных учреждениях, преимущественно судебных, являя собой легкую добычу для многочисленных фальсификаторов. Именно последнее обстоятельство более всего беспокоило царское правительство, поскольку появление фальшивых актов (на дворянство, владение поместьями и пр.) причиняло значительный материальный ущерб как государственной казне, так и частным лицам.

«Когда русское правительство возвратило древнее свое достоинство — Северо-Западный край, — писал помощник архивариуса Виленского центрального архива В.К. Голуб, — он уже был наводнен подлогами и фальсификациями..., подделка юридических актов с целью размножить число дворян при русском правительстве считалось некоторого рода добродетелью. Подделывать акты с целью возведения в дворянское достоинство лиц, которые никогда не были дворянами, или хотя и были, но не имели на то никаких доказательств, сделалось синонимом «спасать братию»²⁰.

Действительно, фальсификации начались задолго до присоединения белорусских и литовских земель к Российской империи, на что указывают многочисленные законодательные документы Великого княжества Литовского, сеймовые постановления Речи Посполитой,

предусматривавшие крайне суровые меры по отношению к фальсификаторам и их заказчикам²¹. Однако суровость наказания не могла остановить ни «мастеров», ни их заказчиков; спрос, как известно, рождает предложение, а в последних нужды не было, особенно в первой половине XIX в.

Упомянутый выше Р. Меницкий писал, что Минск первой половины XIX в. был своеобразной столицей документальных фальсификаций, до такой степени распространенных, что там были учреждены специальные чиновники, которые должны были следить за лицами, фабрикававшими документы. Подобная ситуация имела место в Витебске, Гродно, Полоцке, Могилеве, Вильно, Ковно²². По свидетельству Н.И. Горбачевского в 1836 г. в Гродно были осуждены в ссылку в Сибирь Иоч и Шумский за подделку документов «которые они втиснули в актовые книги гродского и земского судов очень много»²³. За подобные преступления наказаны были многие лица в Витебске, Полоцке, Могилеве, Минске, Вильно. В 1851 г. было обнаружено злоупотребление в Минском городском магистрате. Следственная комиссия, просматривавшая актовые книги, хранившиеся здесь, обнаружила среди них треть поддельных.

Нами также выявлено значительное количество документов о расследованиях дел по изготовлению фальшивок, производившихся в 1820–1850-е гг. Среди них — хранящиеся в фонде канцелярии Витебского, Могилевского и Смоленского генерал-губернатора дела «О выдаче из Могилевского дворянского собрания подложных в дворянстве свидетельств разным лицам» 1827–1829 гг.²⁴, «О производстве следствия о составлении фальшивых документов о дворянском происхождении и снабжении ими за деньги лиц разного звания» 1832 г.²⁵, «По отношению генерал-майора фон Дребута о производстве фальшивых дворянских бумаг адвокатом Кучинским и писцом Клементовичем» 1838–1839 гг.²⁶; в фонде Витебского губернского правления — дело «Об открытии комиссий, учрежденной 18 января 1849 г. в Витебске подложных актов на дворянство Лоссовских, Бедрожницких, Шадурских» и др.²⁷

Неоднократные попытки правительства ограничить от фальшивок актовые книги путем создания специальных комиссий не дали ожидаемых результатов: фальсификации не только продолжались, но и множились, поскольку формально проведенные ревизии книг лишь облегчили доступ к ним фальсификаторов.

Решение о концентрации актовых книг в центральных архивах должно было, по мнению

инициаторов их создания, если не прекратить, то хотя бы свести к минимуму возможность изготовления поддельных документов²⁸. Как известно, концентрации в центральных архивах подлежали актовые книги по 1799 г. включительно. Эта дата была продиктована тем обстоятельством, что юридическая сила сохранялась за актами, внесенными в книги по этот год; позже в присоединенных землях действовали общероссийские учреждения и законы.

С самого начала оба архива были поставлены в неравнозначные условия исходя не только из состава включаемых в них документов (в Виленском должны были храниться документы не только местных, как в Витебском, но и центральных судебных учреждений бывшего Великого княжества Литовского), но и из их организации. В Вильно, где, как известно, находился центр учебного округа, архив был подчинен Министерству народного просвещения и сразу же размещен в здании закрытого в 1832 г. местного университета; в Витебске, где отсутствовали какие-либо учебные или научные заведения, архив был поставлен под контроль Министерства внутренних дел и для него не нашлось подходящего помещения, вследствие чего архив смог начать работу лишь с 1862 г., когда под его хранилища был приспособлен бывший католический («фарный») костел. Здесь же разместились архивы губернского правления и канцелярии генерал-губернатора.

Забегая вперед, отметим, что условия для хранения актовых книг в обоих архивах оставались желать лучшего, хотя витебские архивариусы, отвечая на анкеты, разосланные Временной комиссией для устройства архивов (1873 г.) и Д.И. Самоквасовым (1898 г.), пытались представить события в розовом свете.

Первый архивариус А.М. Сазонов (1862–1886 гг.), в частности, писал: «Архив помещается в казенном каменном здании, от жилых помещений находится в расстоянии 5 сажень, от пожара и наводнения здание безопасно. Сырость имеется и она зависит от способа постройки здания, имевшего первоначально совершенно иное назначение..., помещение со сводами, полы в двух отделениях деревянные, печей три; довольно светло; в окнах железные решетки, а в некоторых — внутренние железные ставни»²⁹. Последний архивариус Д.И. Довгялло (1897–1903 гг.), в целом подтверждая информацию Сазонова, лишь несколько конкретизировал порядок размещения архива: «Архив занимает каменное казенное здание, быв-

ший римско-католический приходский костел и состоит из 4-х комнат: 3 собственно под архивом во 2-м этаже и 1 в нижнем — для канцелярии... Помещение светло и сухо, от пожара безопасно. Формы рукописей — книги, in folio, переплетенные частью в кожу, а в большинстве — в молескин»³⁰.

По данным же современного российского исследователя истории архивного дела, опирающегося в своих выводах на свидетельства многочисленных посетителей Витебского архива, картина была совершенно иной: «В Витебском архиве древних актов книг оборудована комната для работы исследователей. Но здесь была такая сырость и так холодно, что даже в жаркие летние дни трудно было просидеть несколько часов. Недалеко от архива находились ветхие деревянные постройки, что создавало опасность в случае пожара. Плохо обстояло дело с оборудованием. В архиве насчитывалось 1823 актовые книги и все они хранились на открытых полках»³¹.

Концентрация актовых книг в Виленском архиве началась сразу же после подписания царского указа. О заслугах в ее организации главного начальника края, бывшего одновременно попечителем Виленского учебного округа И.Г. Вибикова, в образной форме писал архивариус Н.И. Горбачевский: «По его мановению актовые книги, как перелетные птицы летели в центральный архив со всех четырех губерний, так что в исходе 1853 г. их состояло уже на лицо 3046... В 1858 г. почти все присутственные места передали состоящие в их ведении древние книги числом 15340 томов, остались только непереданными сполна два древние архива в Гродненской губ.: дрогичинский и брянский, частью по причине многочисленности книг, частью потому, что почта из этих заштатных городов отходила только дважды в неделю. Передача эта продолжалась включительно до 1863 года»³². В 1887 г. архив пополнился еще 5 тыс. книг судов Люблинской губ. К концу века, таким образом, в нем хранилось 23326 книг, включавших примерно 15 млн. документов.

Достаточно оперативно были собраны актовые книги и приступившим с сентября 1862 г. к своим обязанностям архивариуса Витебского центрального архива А.М. Сазоновым. В составленной им в ноябре 1864 г. описи в архиве числилось 1520 книг (956 — по Витебской и 564 — по Могилевской губ.). По описи 1865 г. архив насчитывал уже 1745 книг за 1560 — 1803 гг., поступивших из уездных судов (688 кн.), палаты гражданского суда (152 кн.), ма-

гистратов (108 кн.) Витебской губ.; соответственно по Могилевской губ. — из уездных судов (551 кн.), магистратов (246 кн.)³³. Всего же в Перечневую опись актовых книг Витебского архива, опубликованную в 1-м томе «Историко-юридических материалов» (Витебск, 1871), вошло 1823 книги, насчитывавшие около 300 тыс. документов. Вследствие производившегося в 1896 г. ремонта количество книг сократилось до 1706 и даже меньше за счет объединения нескольких экземпляров под одним переплетом³⁴.

Разобрав, систематизировав и отреставрировав поступившие книги (многие из них, в частности, оршанские, вследствие перевозки в 1812 г. в Великие Луки представляли достаточно жалкое зрелище), сотрудники архивов приступили к работе с документами, предва-рительно составив научно-справочный аппарат в виде упоминавшихся выше Каталога (Вильна, 1872) и Перечневой описи (Витебск, 1871). Правда, последние имели сугубо учетные функции, поскольку не раскрывали ни состава, ни содержания включенных в книги актов. В последующей своей работе архивариусы обоих архивов вынуждены будут уделять значительную часть времени именно составлению указателей к книгам; в этом особенно преуспевает руководитель Виленского архива И.Я. Спрогис, для которого эта работа в продолжение более чем 30-летнего заведывания архивом станет делом всей жизни.

Работа в архивах шла по трем направлениям: выдача выписей из актовых книг, справок и сообщений по требованиям присутственных мест и просьбам частных лиц; составление описей документов и указателей к ним; и, наконец, публикация документов. Первое направление носило не только сугубо прикладной, но и научный характер, поскольку требовало от архивистов высокого профессионализма и одновременно формировало у них элементы историко-научной культуры в работе с документами. На последнее обстоятельство указывал Н.И. Горбачевский, который, в частности, писал: «Нужно быть слишком ограниченным или легкомысленным, чтобы без надлежащего и подробного осмотра акта давать мнение о его действительности или недействительности; иногда от одного документа зависит участь нескольких десятков семейств»³⁵.

Кстати, именно необходимость выявления документальных фальсификаций подтолкнула того же Горбачевского к составлению «Кратких таблиц, необходимых для истории, хронологии, вообще для всякого рода археологических исследований и в частности для разбора

древних актов и грамот западного края России и Царства Польского» (изданы в 1867 г. в Вильно). Дававшие возможность в числе прочего определять дни празднования Пасхи в тот или иной год (а с Пасхой связывалось заседание кассаций Главного Литовского трибунала в Минске и Новогрудке), таблицы стали действенным средством в деле изобличения предъявляемых подложных актов, в которых место выдачи не соответствовало месту заседания кассации в этот год.

Свидетельством сохранения актуальности таблиц Н.И. Горбачевского, равно как и другой его работы — «Словаря древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского» (издан в Вильно в 1874 г. и удостоен Уваровской премии Академии наук) является современное переиздание первых в Беларуси и высокая оценка второго российскими исследователями³⁶.

Анализ сохранившихся делопроизводственных материалов архивов дает представление о методике работы архивариусов по установлению подлинности (или, наоборот, подложности) тех или иных документов. Она в основном сводилась к проведению внешней критики источника. Архивариусы прежде всего обращали внимание на наличие или отсутствие в акте поправок, подчисток, приписок между строк; анализировались также почерк, которым был исполнен документ; материал для письма, ненарушенность нумерации и т. п. Важную роль в решении вопроса о подлинности акта играло наличие в книге неповрежденных печати и шнура, оставленных комиссией, проверявшей данную книгу. В случае, когда интересовавший заявителя документ был исполнен на бумаге, более нигде в книге не встречавшейся, отличным от других почерком, имел нумерацию, указывавшую, что она сделана не одновременно с той, когда нумеровалась вся актовая книга и т. п., принималось решение о сомнительности такого документа. Так, по прошению гр. А. Солтана в Витебский архив подтвердить подлинность шести документов для представления в Департамент герольдии Правительствующего сената (запрос от 29 мая 1901 г.) только половина была признана таковыми (Сомнительными оказались документы имущественного характера: запись на имя жены, жалоба и духовное завещание)³⁷.

Наиболее активно работа по описанию документов, разработке научно-справочного аппарата в форме именных и географических указателей велась в Виленском архиве. Это вполне понятно, если принять во внимание, с

одной стороны, объем и значимость хранившихся здесь документов, а с другой — наличие большего, сравнительно с Витебским, штата сотрудников, которые к тому же не занимались, как в Витебске, подготовкой документальных изданий (эту работу, как и в Киеве, осуществляла созданная в апреле 1864 г. местная археографическая комиссия). Тем не менее, имеются сведения, что и в Витебском архиве в 1896–1899 гг. составлялись именные указатели по материалам актовых книг Городокского, Динабургского и Невельского судов, однако, общего именового указателя так и не было составлено³⁸.

Пришедший в 1879 году на смену Н.И. Горбачевскому И.Я. Спрогис, справедливо называя на IX Археологическом съезде в Вильно свой архив «огромным, как море и беспомощным, как ребенок» по причине как раз-таки отсутствия в нем надлежащего научно-справочного аппарата, сосредоточил в дальнейшем свои усилия на том, чтобы сделать документы архива доступными для исследователей. Поражает своим объемом количество изученных им документов архива с целью составления указателей (от 20 тыс. до 60 тыс. листов в год). До сих пор современные исследователи, а также сотрудники архивов Беларуси и Литвы, пользуются составленным им географическим указателем к актовым книгам бывшего Виленского центрального архива древних актов.

Другим важным мероприятием, к сожалению, оставшимся незавершенным, вероятно, по причине начавшейся мировой войны, стала переработка И.Я. Спрогисом «Каталога» Н.И. Горбачевского. Последний, несмотря на огромное его значение, кстати говоря, сохраняющееся и до настоящего времени, тем не менее имел некоторые недостатки, прежде всего с точки зрения фондирования и систематизации в нем книг, что и обусловило необходимость его уточнения. На незавершенность данной работы указывает тот факт, что в отличие от каталога Горбачевского, включавшего 18243 ед. хр., опись Спрогиса охватывала только 12 108, а обложка к ней была отпечатана на польском языке только в 1929 г., когда составителя давно уже не было в живых³⁹.

Не будучи, как и его предшественник Н.И. Горбачевский, сторонником подокументного описания, И.Я. Спрогис, тем не менее, вместе с помощниками в начале 1900 гг. подготовил 10 вып. «Описи документов Виленского центрального архива древних актовых книг» (изданы в Вильно в 1901–1913 гг.). В них были описаны и частично опубликованы акты 64

книг Росиенского земского и подкоморского, Упитского, Вилкомирского и Брестского градских судов. Учитывая объем хранившихся в архиве актовых книг (23 тыс.), а также затраты времени и материальных средств на подготовку описи всего лишь 64 книг, эта работа как бы являла собой подтверждение справедливости слов и самого Спрогиса, и Н.И. Горбачевского относительно неэффективности применения подобной методики описания⁴⁰.

Значительное место в деятельности обоих архивов занимала работа по публикации документов, а также подготовке научно-справочных изданий. Помимо 39 томов серийного издания «Акты Виленской археографической комиссии» (вышли в Вильно в 1865–1915 гг.), в большинстве своем укомплектованных документами Виленского архива (в их подготовке наряду с другими принимали участие и входившие в состав комиссии архивариусы Н.И. Горбачевский и И.Я. Спрогис), индивидуально Горбачевским были подготовлены «Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли, составленная старостою мстибоговским Г.Б. Волловичем в 1559 г.» (издана в 1867 г. на средства Археографической комиссии), «Археографический календарь на 2000 лет» (издан в 1869 г. на средства Виленского учебного округа); Спрогисом — «Географический словарь древней Жомойтской земли XVI ст.» (издан в 1880 г. при субсидии Виленского учебного округа) и др.

В отличие от Вильно, где основная публикаторская деятельность велась местной археографической комиссией, в Витебске вся археографическая работа лежала на плечах архивариуса, который самолично определял объект публикации, затем с помощью нанимаемых писцов готовил документы к изданию, держал корректуру и т. д. Попытки А.М. Сазонова добиться по аналогии с Вильно и Киевом создания археографической комиссии и в Витебске не встретили поддержки со стороны официальных органов. Не получила одобрения и инициатива витебского архивариуса назвать проектируемую документальную серию «Белорусским археографическим сборником», поскольку в Вильно управлением учебного округа уже издавался «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси».

И тем не менее, несмотря на все сложности организационного и финансового характера, в 1871 г. увидел свет 1-й том сборника «Истори-

ко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской». Ставший заключительным 32-й том выйдет в 1906 г., когда архив уже перестанет существовать.

Объективно оценивая серийное документальное издание Витебского архива, нельзя не признать, что оно (особенно первые 16 томов, готовившиеся А.М. Сазоновым) существенно уступало «Актам Виленской археографической комиссии» как по объекту публикации, так и по уровню археографической подготовки документов, составу научно-справочного аппарата и пр. Здесь из тома в том публиковались несложные с точки зрения археографической обработки приходо-расходные книги Могилевского магистрата за разные годы. Если в первых пяти томах Сазонов придерживался правила передавать текст на языке оригинала с параллельным переводом (для документов на польском языке) на русский язык, то в последующих он вынужден был отойти от этого, применяя для подобных документов своеобразную форму регестирования (излагал содержание польскоязычных документов своими словами). За исключением первого тома, остальные готовившиеся Сазоновым тома не имеют предисловий, примечаний, указателей, легенд, что существенно снижает уровень сборника и затрудняет работу с ним исследователей.

Не особенно вникая в тонкости передачи текстов документов, витебский архивариус действовал, скорее, по наитию, сообразуясь с известными ему современными правилами русской грамматики. Во всяком случае он нигде не оговаривал замену в соответствии с современными ему правилами русской грамматики буквы «е» на букву «я»; отсюда опубликованные им на старобелорусском языке документы теряют свое значение как источники по истории языка.

Сменивший Сазонова на посту архивариуса М.Л. Вережкин (1818–1896 гг.), продолжая публикацию серийного издания, во всем, что касается методики, следовал своему предшественнику. В профессиональном отношении он хотя и не имел, как Сазонов, университетского образования, тем не менее был хорошо подготовлен для своего времени. Он знал латынь, польский, немецкий, французский, латышский языки, обладал отличной памятью, был начитан. Современники отмечали, что Вережкин был «живой справочной книгой по самым разнообразным вопросам, касавшимся местного края, чем широко пользовался в осо-

бых примечаниях к «ИЮМ», где сгруппировал много любопытного исторического и археологического материала»⁴¹. Услугами Вережкина широко пользовался известный витебский историк и археограф А.П. Сапунов, работая над «Витебской стариной». К сожалению, отсутствие у редактора-составителя технических помощников приводило к тому, что подготовленные им тома (17–26) изобилуют опечатками и ошибками. К числу же достоинств издания «веревкинского периода» следует отнести то, что начиная с 17-го тома появляются географический и именной указатели.

Заключительный период деятельности (в том числе и публикаторской) Витебского архива пришелся на время его реформирования. Первые попытки реорганизации архива предпринимались еще в начале 1890-х гг. в связи с работой специальной комиссии, учрежденной при Министерстве народного просвещения для обсуждения вопроса о мерах по более эффективной деятельности центральных архивов в «Западных губерниях». 19 ноября 1893 г. в адрес витебского губернатора было направлено письмо Департамента общих дел МВД, в котором отмечалось исключительное положение Витебского архива, имевшего общие назначения и организацию с Виленским и Киевским, но находившегося в ведении не Министерства народного просвещения, а Министерства внутренних дел. «Кроме того,— говорилось в письме,— архив этот помещается в таком городе, где нельзя предполагать достаточного числа лиц, интересующихся историческими изысканиями и вызывает при существовании Центрального же архива в Вильне бесполезное раздробление материалов, относящихся до истории Северо-Западного края»⁴².

Далее автор письма информировал губернатора о решении комиссии объединить Витебский и Виленский архивы с передачей первого в ведение МНП. Против такого решения категорически возражал М.Л. Вережкин, ссылаясь при этом на позитивные отзывы известных московских, петербургских и киевских историков К.Н. Бестужева-Рюмина, В.А. Лялина, М.Ф. Владимирского-Буданова и др. в адрес витебского документального издания, отмечая наличие в Витебске научных сил (в частности. А.П. Сапунова, издававшего «Витебскую старину»), сравнительно небольшие расходы на содержание архива и др.⁴³ Архивариус не без оснований полагал, что с объединением двух архивов «витебские акты окажутся на заднем плане; очередь до них дойдет разве в отдаленном будущем»⁴⁴.

«Кроме того,— писал он в отношении в Департамент,— с перемещением архива в отдаленную Вильну возникнет немалое затруднение и с административной точки зрения, т. к. явится затруднение в своевременном наведении разного рода справок, часто имеющих насущный интерес...»⁴⁵.

С учетом этих обстоятельств М.Л. Вережкин предлагал оставить самостоятельным Витебский архив, усилив его штат восстановлением ранее существовавшей должности помощника архивариуса, увеличить финансирование архива, а «для привлечения местных ученых сил к участию в разработке и издании актов назначить таким сотрудникам вознаграждение сообразно с вознаграждением трудящихся на этом поприще в Виленской и Киевской археографической комиссиях».

Очевидно, соображения архивариуса были приняты во внимание при решении вопроса о судьбе Витебского архива. Утвержденное 22 января 1896 г. мнение Государственного совета носило паллиативный характер: архив сохранял самостоятельность, но передавался в ведение МВД с прежним финансированием⁴⁶.

Реорганизация Витебского архива по времени совпала со смертью М.Л. Вережкина (20 февраля 1896 г.). 24 февраля 1896 г. по распоряжению витебского губернатора для передачи архива в ведение МНП была создана специальная комиссия под председательством помощника инспектора Витебской духовной семинарии, выпускника петербургских духовной академии и археологического института, кандидата богословия Д.И. Довгялло (1868–1942 гг.). В нее вошли также секретарь губернского статистического комитета С.Г. Гарский и редактор губернских ведомостей И.И. Пилин. Временно исполняющим обязанности архивариуса был назначен преподаватель Витебской мужской гимназии, статский советник А.П. Сапунов, хорошо знавший архив и пользовавшийся, как выше отмечалось, услугами прежнего его руководителя при подготовке «Витебской старины».

Несмотря на непродолжительность пребывания Сапунова на посту архивариуса, с его именем связаны проведение реставрации актов книг, устранение выявленных комиссией недостатков в организации их хранения и использования⁴⁷.

С именем же Д.И. Довгялло, занявшего 1 июня 1897 г. должность архивариуса вместо вышедшего в Москву Сапунова, связан заключительный и наиболее эффективный период в деятельности Витебского архива вообще, публикаторской, в частности. С приходом Довгялло существенным образом изменился характер

серийного документального издания. Он начал печатать более разнообразный материал, давать к нему примечания, в большинстве своем носившие источниковедческий и палеографический характер, и, что особенно важно, публиковать тексты, придерживаясь оригиналов.

Изменилась и организация работы по подготовке документального издания. Теперь она строилась по аналогии с Виленской археографической комиссией, где, как известно, перечень предполагаемых к опубликованию документов просматривался и утверждался попечителем учебного округа. Кроме того, работа по подготовке «Историко-юридических материалов» входила теперь в круг прямых обязанностей архивариуса, лишая его таким образом существенного приработка в форме гонорара к достаточно скромному основному жалованью.

Анализ заключительных «довгялловских томов» показывает, что они выгодно отличались от предыдущих как по объекту публикации, так и по уровню их археографической подготовки, наличию пространного (но не растянутого) научно-справочного аппарата. Отбирая документы, Довгялло руководствовался не только критерием их ценности как исторических источников, но и брал в расчет архивоведческий фактор (степень сохранности документов), полноту корпуса публикуемых документов и т. п. Так, излагая в предисловии к 27-му тому «Историко-юридических материалов» причины, побудившие включить в него в числе прочих и документы книги Ушачской магдебургии, он писал: «При выборе этих документов для печати мы руководствовались уже не одними интересами историческими. Означенная книга сильно подверглась тлению и многие документы еле могут быть разбираемы, а некоторые уже и безвозвратно утрачены. Чтобы сохранить что можно из тронутого тлением, мы и решили напечатать предлагаемые документы из означенной книги»⁴⁸.

Д.И. Довгялло, как и М.В. Довнар-Запольский, П.А. Гильтебрандт и другие известные археографы конца XIX в., был противником выборочной системы публикации документов, которая, как известно, всегда или почти всегда испытывала на себе проявления вненаучного — политического, идеологического, конфессионального и пр. — влияния. Альтернативой ей он считал публикацию документов или одного вида, или полностью книги. Об этом, в частности, Довгялло писал попечителю учебного округа, готовя очередной, 29-й том «Историко-юридических материалов»: «Означенный выпуск... я намерен посвятить исключительно

лишь инвентарям, являвшимся в актовых книгах [бывшего] Полоцкого уездного суда... и таким образом ввести некоторую систему в издание «материалов» Витебского центрального архива»⁴⁹.

В ставших заключительными 30-м, 32-м томах «Историко-юридических материалов» Д.И. Довгялло применил прием сплошной публикации документов отдельной книги (дела), характерный, как известно, для пофондовых изданий. Объектом публикации стала 1-я книга Могилевского магистрата, которая велась с 5 октября 1577 г. по 11 июля 1578 г. (в т. 30 было помещено 186 документов за 1577 г., в т. 32 (издан с продолжающейся нумерацией страниц и документов 30-го тома) — 172 док. за 1577 г. и 516 док. за 1578 г.). Весь научно-справочный аппарат к публикации книги Довгялло сосредоточил в 32-м томе. Он включал имевшее источниковедческий характер «предисловие» и археографический — «вступление», общий перечень актов книги, именной и географический указатели.

Публикация книг Могилевского магистрата получит продолжение в издании Виленской археографической комиссии, последним председателем которой станет Д.И. Довгялло в 1913 г. Именно последний, 39-й том «Актов Виленской археографической комиссии» содержит в себе все 2035 актов двух очередных книг Могилевского магистрата за 1578–1580 гг. Заметим, что работа по публикации если не документов, то хотя бы описаний документов актовых книг Могилевского магистрата, начатая в конце XIX в. Витебским центральным архивом древних актов, продолжается современными белорусскими архивистами и археографами⁵⁰.

Оценивая 40-летнюю археографическую деятельность Витебского архива древних актов, нельзя не признать, что при всех ее недостатках, она имела позитивное значение в деле расширения источниковой базы для изучения социально-экономической истории восточной Беларуси XVI–XVIII вв., а также формирования элементов источниковедческой, архивоведческой, археографической культуры во второй половине XIX — нач. XX вв. Среди более чем 3 тыс. опубликованных документов (в большинстве своем впервые) исследователь найдет значительное количество привилеев городам восточной Беларуси на магдебургское право, материалов об иезуитах в Беларуси, данных о метрологии, топонимике, исторической географии, сведений об архивах и т. п. В совокупности с изданиями, основанными на документах Виленского архива древних актов, они

представляют собой важнейшую источниковую и археографическую базу для изучения отечественной истории. Ее значение тем более возрастает, если принять во внимание то обстоятельство, что многие из включенных в эту базу источников оказались утраченными в XX в.

С ликвидацией в 1903 г. Витебского архива и интеграцией его документального собрания в Виленский центральный архив древних актов начинается заключительный период в деятельности этих первых исторических древлехранилищ на территории Беларуси и Литвы. Первая мировая война, последовавшие вслед за этим оккупации Вильно кайзеровскими войсками, включение Виленского края в состав Польского государства положили конец самостоятельному существованию архива древних актов, невывезенная часть документов которого вошла в состав созданного польской администрацией Госархива Польши в Вильно. В дальнейшем, вплоть до начала второй мировой войны, документы бывших Виленского и Витебского центральных архивов древних актов книг, как и архив великокняжеской канцелярии, т. наз. Литовская метрика, выступали в качестве своеобразного камня преткновения при решении вопросов архивной реституции между Россией, Польшей, Беларусью, Литвой, Латвией. О них шла речь в заключенных Советской Россией в 1920-е гг. договорах с Литвой, Латвией, Польшей; проблемы справедливого межгосударственного распределения документальных собраний бывших архивов древних актов обсуждались на Первой всебелорусской конференции архивных работников (май 1924 г.), Первом съезде исследователей белорусской археологии и археографии (январь 1926 г.)⁵¹. Попытки решения этих проблем без учета принципа происхождения документов предпринимались в 1940 г.⁵²

И в заключение отметим, что до сих пор, по данным руководства Российского госархива древних актов, в его составе находится значительное количество материалов, относящихся к территории Великого княжества Литовского, например, «коллекция земских и городских книг»⁵³. Что же касается истории Виленского и Витебского центральных архивов древних актов книг, решение о создании которых принято ровно полтора века тому назад, то она должна рассматриваться в качестве важной составляющей европейского архивоведения. Без учета и анализа полувекковой деятельности обоих архивов наше представление о состоянии и уровне развития архивоведческой мысли в XIX — начале XX вв. будет неполным.

¹ Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ), ф. 2790, оп. 1, 137 д. за 1862–1903 гг.

² Архив истории государства Литвы (далее АИГЛ), ф. 594, оп. 1, 529 д. за 1513–1915 гг.

³ Горбачевский Н.И. О Центральном архиве древних актов книг губерний: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской // Вестник Западной России. — 1869. — Кн. 5, 6. Все цитаты далее приводятся по отдельному оттиску статьи с дарственной надписью автора, хранящейся в Отделе редкой и рукописной книги Центральной научной библиотеки им. Я. Коласа Национальной Академии наук Беларуси.

⁴ Данилович И. О литовских летописях // Журн. Министерства народного просвещения. — 1840. — №11.

⁵ Горбачевский Н.И. Указ. соч. — С. 16–17.

⁶ Там же. — С. 28–29.

⁷ Лялин В.А. Виленский центральный архив // Сб. Археологического ин-та. — СПб., 1878. — Кн. 1. Он же. Витебский центральный архив // Там же. — СПб., 1880. — Кн. 3.

⁸ Сборник Археологического института. — Кн. 3. — С. 82.

⁹ Милосидов А.И. Виленский центральный архив (1852–1902) // Журн. Министерства народного просвещения. — 1902. — №4. — С. 53–68; *Спрогис И.Я.* Виленский центральный архив древних актов книг // Памятная книжка Виленской губ. на 1902 год. — Вильна, 1902. — С. 18–25; Пятидесятилетие Виленского центрального архива древних актов книг. Исторический очерк. 2 апреля 1852–1902. / Сост. пом. архивария В.К. Толуб. — Вильна, 1902.

¹⁰ Archiwum akt dawnych w Wilnie w okresie od 1795 do 1922 roku. Rys historyczny. Opracował Ryszard Mienicki, starszy archiwista Archiwum Państwowego w Wilnie. — Warszawa, 1923. — 138 s.; *Mienicki R.* Archiwum akt dawnych w Witebsku (Centralne archiwum Witebskie) 1852–1903. — Warszawa, 1939. — 108 s.

¹¹ См.: *Mienicki R.* Archiwum akt dawnych w Witebsku. — S. 107.

¹² Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР (Опыт систематического руководства). Часть 1. История архивного дела в СССР до Октябрьской социалистической революции. — М.: ГАУ НКВД СССР, Историко-архивный институт, 1941. — С. 239–242.

¹³ Азаров А.И. Архивное дело в БССР: Автореф. канд. дис. — М.: МГИАИ, 1955; Он же. Архивное дело в Белоруссии до Великой Октябрьской социалистической революции // Научно-информационный бюллетень Архивного управления при Совете министров БССР. — 1961. — №10. — С. 14–19.

¹⁴ Научно-информационный бюллетень Архивного управления при Совете министров БССР. — 1961. — №10. — С. 17.

¹⁵ Улащик Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. — М., 1973.; Самошенко В.Н. Исторические архивы дореволюционной России: Учебное пособие. — М.: МГИАИ, 1986.

¹⁶ Самошенко В.Н. Исторические архивы... — С. 199.

- 17 Шумейко М.Ф. Архивы и власть (К истории документальных собраний бывших Виленского и Витебского центральных архивов древних актов) // Археографический ежегодник за 1995 год.— М., 1997.— С. 127–139; Шумейко М.Ф., Козак К.И., Селемев В.Д. Архивоведение Беларуси: Учеб. пособие. В 2 ч.— Мн.: РИВШ БГУ, 1998.— Т. 2.— С. 58–66; Жумарь С.В., Карев Д.В., Шумейко М.Ф. Очерки истории архивного дела в Беларуси (XV в.— 1991 г.).— Мн.: БелНИИДАД, 1999.; Шумейко М.Ф. Состояние и развитие археографии в Беларуси во второй половине XIX — начале XX в. // Беларускі археаграфічны штогоднік.— Вып. 2.— Мн.: БелНИИДАД, 2001.— С. 41–64.
- 18 Падліпскі А.М. Летапісец Віцебшчыны.— Мн.: Полымя, 1993; Хмяльніцкая Л. Гісторык з Віцебска (жыццяпіс Аляксея Сапунова).— Мн.: Энциклопедыкс, 2001.
- 19 Цит. по: Шлюбскі Ал. Матэр'ялы да крыўскае гісторыі: Доля кнігасхову і архіваў // Спадчына.— 1992.— №4.— С. 21.
- 20 Пятидесятилетие Виленского центрального архива.— С. 21.
- 21 См., напр.: Статут Вялікага княства Літоўскаго 1588. Тэксты. Даведнік. Каментары.— Мн., 1989.— С. 90. (Разд. 1. Арт. 16. Кто бы листы або печати наши и врядовые фальшоваал, чим маєть быть каран); Volumina legum. St.— Pbg. V. VI. An. 1726. F. 433 (Сеймовое постановление 1726 г.).
- 22 Archiwum akt dawnych w Wilnie. S. 40.
- 23 Горбачевский Н.И. О Центральном архиве.— С. 14.
- 24 НИАБ, ф. 1297, оп. 1, д. 1840.
- 25 Там же, д. 6165.
- 26 Там же, д. 11020.
- 27 Там же, ф. 1416, оп. 3, д. 2159, л. 5–7; Подробнее об этом см. нашу статью Аб архіўных фальсіфікацыях: Полацкі пажар 1837 г. і яго наступствы // Архивы и справоводства.— 1999.— №3.— С. 12–18.
- 28 Правда, как свидетельствует П. Кеннеди Гримстед, изучавшая делопроизводственные документы канцелярии Киевского центрального архива древних актов, процесс изготовления фальшивок продолжался и в последнем. По ее данным за первые 15 лет существования архива было подделано 2664 документа в 777 книгах (См.: Кеннеди Гримстед П. Археография в тіні імперської політики: Київська археографічна комісія та утворення Київського архіву давніх актів // Матеріалі ювілейної конференції, присвяченої 150-річчю Київської археографічної комісії.— К., 1997.— С. 16, 20, 28–29). Мы не располагаем аналогичной информацией по Виленскому и Витебскому архивам, но вполне допускаем, что подобные факты могли иметь место и в них.
- 29 Цит. по кн.: Самошенко В.Н. Исторические архивы.— С. 191.
- 30 Самокасов Д.Я. Архивное дело в России.— М., 1902.— Кн. 2.— С. 86.
- 31 Самошенко В.Н. Исторические архивы.— С. 193.
- 32 Горбачевский Н.И. О Центральном архиве.— С. 18.
- 33 НИАБ, ф. 2790, оп. 1, д. 4, л. 7–7 об.
- 34 См.: Там же, д. 79, л. 19–20; ф. 1430, оп. 1, д. 41377, л. 10.
- 35 Цит. по кн.: Пятидесятилетие Виленского центрального архива.— С. 44.
- 36 Никита Иванович Горбачевский: Вспомогательные информационно-библиографические материалы / Сост. Л.Л. Толкачева.— Мн., 1991; см. напр.: Андрюшайтите Ю.В. О Работе Э. Лауцявичюса «Бумага в Литве в XV–VIII веках» и некоторые вопросы перевода флиграноведческой литературы // Археографический ежегодник за 1981 год.— М., 1982.— С. 80 (прим. 17).
- 37 НИАБ, ф. 2790, оп. 1, д. 125, л. 15–21.
- 38 Самошенко В.Н. Исторические архивы.— С. 197–198.
- 39 Бутенас Д.П. Вопросы фондирования документов Великого княжества Литовского в каталоге И. Спрогиса // Материалы межресп. научн. конф. по источниковедению и историографии народов Прибалтийских республик Союза ССР. Источниковедение.— Вильнюс, 1978.— С. 41–46.
- 40 См., напр.: Горбачевский Н.И. О Центральном архиве.— С. 27–29.
- 41 Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской.— Витебск, 1898.— Т. 27.— С. 111.
- 42 НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 41377, л. 1–2.
- 43 Если на содержание виленских архива и археографической комиссии ежегодно тратилось 11,5 тыс. руб. (3,5 тыс. на архив и 8 тыс. на комиссию), то расходы на содержание Витебского архива составляли 2825 руб. (из них 600 получал архивариус, 225 тратились на канцелярские и хозяйственные надобности и 2 тыс. руб.— на издание актов (НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 1, д. 41377, л. 10 об.).
- 44 НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 41377, л. 10 об.
- 45 Там же, л. 8.
- 46 Сборник материалов, относящихся до архивной части.— Т. 2.— С. 211; НИАБ, ф. 1430, оп. 1, д. 41377, л. 14–15.
- 47 Подробнее об этом см.: Падліпскі А. Указ. соч.— С. 37–39; Хмяльніцкая Л. Указ. соч.— С. 104–107.
- 48 Историко-юридические материалы.— Т. 27.— С. XXVIII.
- 49 НИАБ, ф. 2790, оп. 1, д. 109, л. 1.
- 50 См.: Магілёўскі магістрат 1580–1581, 1588 гг.— Мн., 1999.— Вып. 1 / Склад. З.Л. Яцкевіч, А.А. Лапкевіч.
- 51 Первая всебелорусская конференция архивных работников 12–15 мая 1924 г.: Документы и материалы.— Мн., 1999; Першы з'езд даследчыкаў беларускае архэалогіі і архэаграфіі. 17–18 студзеня 1926 г.— Мн., 1926.
- 52 Об этом см. нашу статью Архивы и власть (К истории документальных собраний бывших Виленского и Витебского центральных архивов древних актов).— С. 127–139.
- 53 Родина.— 1994.— №12.— С. 70 и др. (Из выступления зам. директора РГАДА Ю.М. Эскина на заседании «круглого стола» журнала «Mowia wieki» (Польша), посвященного архивному сотрудничеству).